

*Моему мужу Александру Никитину
с благодарностью за все, что здесь написано*

утопленник

из черного жерла упавшей бутылки тек жирный перламутровый ручеек шампуня. Там, где он впадал в ванну, струя воды взбивала белую пахучую пену. Вода вокруг была мутной, словно не водопроводной, а речной. Как будто реку по трубам пустили неочищенной, полной ила и песчаной взвеси. Пенный замок возносился над краем ванны и пластмассовой мыльницей, росли его причудливые башенки, возводились укрепления. Мужчина, лежавший в ванне, смотрел на причуды пенной архитектуры равнодушно. Да и не смотрел он вовсе, просто лежал, откинув голову, уставив глаза в потолок. Он думал о том, каково это — утонуть. Стать одним из тех, кого находили в озерах и реках — недвижимым, холодным, равнодушным. Вспомнил, как было страшно, когда он впервые погружался за утопленником.

— Юр, ты его не бойся. Ты скажи ему: «Привет! Давай подниматься вверх!» — учил руководитель спуска.

— Привет! — сказал Юра, увидев утопленника издали, и зачем-то помахал ему рукой. Вода была необыкновенно прозрачной, хоть пей. Утопленник смотрел на него не мигая и вдруг плавно повел рукой, будто приглашая. Он покачивался возле здоровой коряги, и солнце играло на его сине-зеленом животе.

— Нет, лучше уж вы к нам, — тихонько, чтобы не обидеть покойника, пробормотал Юра. Подплыл ближе, недоумевая, почему тот не двигается с места.

Сердце колотилось, как в детстве, когда казалось, что коснувшаяся ноги тина — волосы утопленницы, мистической обитательницы бабушкиного пруда. «Так и не нашли ее... И осталась она, бедняжка, сторожить, чтоб никто глубоко не заплывал», — говорила бабушка Нюра маленькому Юрику, поправляя на нем плавки и растирая полотенцем. Юрик испуганно озирался на воду, из которой его только что изгнали за предательскую синеву на губах. Едва обсохнув, он возвращался в пруд и снова пугался холодных липких прикосновений.

— Тс, — шикнул сердцу Юра и подплыл ближе. Утопленник не мог никуда уплыть. Огромные корни поваленного дерева цепко держали его за плавки. Одной рукой ухватившись за сигнальный конец, другой Юра попытался отцепить проклятый корень, но ничего не вышло. — Надеюсь, ты не против, — заручился согласием утопленника Юра, достал нож и распорол плавки. Труп начал медленно подниматься, словно только и ждал свободы. — Вот так, а теперь пойдем домой, — подхватив его под мышки, Юра стал продвигаться по ходовому концу наверх, но почему-то обернулся. Коряга махала ему вслед красным флажком плавков.

Юрий открыл глаза. С горлышка лежащей на краю ванны бутылки свисала последняя капля. Пенный замок

потерял былое величие, расплылся белыми хлопьями по мутной воде, которая уже норовила перелиться через край. Он медленно встал, отчего замок окончательно осел. Юрий завернул кран, дернул за цепочку. Пробка вышла нехотя, с тихим протестующим хлопком. Также нехотя вышел из ванны Юрий Коновалов, бывший водолаз, бывший кандидат в мастера спорта по плаванию, бывший матрос, бывший муж Марины Самойленко. Ныне же, согласно его собственным размышлениям о самом себе, полнейшее никто.

Пока он вытирал жестким после стирки махровым полотенцем правую ногу, левую ногу, руки одну за другой, водосток шумно всосал в себя остатки мыльной воды. На стенках ванны остался серый налет грязи, пены, волос. Юрий ополоснул ванну, защелкнул пузырек из-под безвозвратно и никчемно утекшего шампуня.

Вошел в пустую кухню, достал из висящего на ручке двери пакета лоток с лапшой быстрого приготовления, залил его водой из сиротливо стоящего на столе нового электрического чайника, извлек из целлофана пластиковую вилку и сел за пустой стол ждать, когда заварится обед.

Вилки, ложки, ножи, тарелки, обе кастрюли, сковороду и разделочную доску — Марина забрала все. «Это нам на свадьбу подарили, которую, между прочим, мои родители оплачивали!» — аргументировала она свое бытовое мародерство. Доску было особенно жалко. Толстую деревянную доску в форме дельфина они купили в Сочи в первое после свадьбы лето, одновременно ткнув в прилавок пальцем. Весь день Юра таскал ее с собой — на пляж, и в кафе, и вечером уже в караоке. День Деревянного Дельфина был самым счастливым днем их семейной жизни.

При сборах, неспешных и вдумчивых, сопровождаемых долгими Мариниными рассуждениями о ее правах на вещи, доска была упакована на дно коробки со смешной надписью «утварь», завалена прокладками («Это тебе точно не нужно»), утюгом («В кладовке старый найдешь, он, правда, течет немного») и новогодними игрушками («Ты же не будешь елку наряжать»).

Елку он наряжать не собирался, в этом Марина была права. Но, к сожалению, это была вся доступная ему информация о собственном будущем.

табурет

будущее поступило с юрием Коноваловым подло. Оно маячило перед ним обнаженной девой, искушало, призывало, очаровывало, пело сладким голосом дивные песни, но стоило ему приблизиться — дева обернулась чудищем, которое разжевало его, перемолото кости, высосало кровь и выбросило шкурку на клетчатый линолеум кухни: «Отдыхай, Коновалов, восстанавливайся!» Последние три слова оно произнесло ему в ухо прокуренным голосом начальника приморского центра водозлазных работ, коротко пикнуло и замолчало.

Который день он сидел на кухонном табурете, уставившись на силуэт дельфина на стене — след шести лет их с Мариной супружества. Дельфин сохранил магазинную чистоту бежевых обоев, не дал заляпать их жиром, не позволил потрудиться над вверенным ему участком солнечному свету. Дельфин определенно оставил свой след в Юриной жизни — чистый, сияющий отпечаток

молодого счастья, новизны ощущений, обстановки, имен, которыми они с женой наделили друг друга, планов, которые они построили.

Тогда море наполняло их будущее, дул в завтрашний день легкий бриз, щекотал планы прибой. В то время Марина не могла говорить ни о чем другом. Выбирала квартиру с видом на море, купала на распродажах купальники и пляжные сумки, потихоньку паковала вещи.

Для Юры грядущие в обозримом будущем перемены были не просто сменой места жительства, работы, климата и окружения. Его не трогали Маринины мечты о вечном лете и красивом загаре. Он думал о море как о чем-то живом, ждущем его, нуждавшемся в нем. Море любило его, он любил море.

Впервые Коновалов почувствовал это, оказавшись в седых горьких балтийских водах, где он служил. Тоска по дому растворилась, как соль в супе, и он поймал себя на мысли, что не хочет и даже боится приближающегося дембеля.

Устроившись на гражданке водолазом в поисково-спасательный отряд, он ждал возвращения того волшебного, манящего чувства дома. Но в мутной июньской воде Истринского водохранилища понял, что ошибся. Чувств было много: обнаружили страх, радость, легкое нетерпение, гордость, даже тщеславие. А ощущения воссоединения со своей стихией не возникло.

Со временем море стало для него единственной целью и смыслом, единственной темой его разговоров и размышлений. Марина, быстро отыскав в стремлении мужа выгоду для себя, присоединилась к нему. В ее мечтах о переезде на черноморское побережье было куда больше практического и бытового. Но без этого тоже никак, успокаивал себя Юра, ей положено думать о доме, она как-никак женщина.

Он не без помощи знающего, кажется, всех водолазов на свете Коляна нашел работу на море. Для этого потребовалось повысить класс с пятого на шестой, пройти переподготовку с его третьей, спасательной, на первую-вторую, техническую, группу специализации и сдать экзамены. На все эти улучшения потребовалось чуть больше года, и в середине декабря он получил на руки трудовую книжку с записью «Уволен по собственному желанию». Такая же пометка появилась в трудовой книжке Марины. Билеты взяли на первое февраля. Оставался еще месяц, чтобы собрать и отправить в их новую приморскую жизнь вещи, уладить все московские дела, попрощаться с родными и друзьями.

Весь этот месяц Коновалов радовался пересоленной Мариной ухе, запах и вкус которой пели ему о море. Радовался покрасневшему в начале декабря горлу, которое требовалось полоскать ярким желто-зеленым раствором фурацилина. Он вспоминал, шумно бултыхая в гортани мерзкую горькую жидкость, как бабушка, уговаривая его, маленького простуженного Юрика, полечить горло, сулила ему анапский рай. Мол, вода в море на вкус такая же, привыкай. И Юрик привыкал, давясь ненавистным фурацилином.

Их грандиозные планы рухнули без всякого предупреждения, как рушится крыша во время пожара. Марина успела выбежать, а Юрий остался сидеть на табурете, придавленный обугленной балкой.

Пожар был вовсе не метафорой, отчего Марине было обидно вдвойне.

— Если бы ты не полез туда... Если бы мы не поехали на эту чертову дачу... Если бы эта дура внимательнее за детьми следила... Если бы пожарные приехали раньше...

Она все выдумывала новые условия, при которых их мир остался бы прежним, планы воплотились в жизнь, внутренние органы Коновалова остались чисты и здоровы, и морской прибор по-прежнему шумел у подножия ее будущего.

Для Юры не существовало альтернативной истории. Он сделал то, что сделал, и ожог легких — не самая большая плата за жизнь мальчика Димы. Конечно, Дима не станет космонавтом и водолазом тоже не станет. Возможно, он будет плохо учиться в школе и уже подростком начнет пить много и некрасиво, как его отец, но это будет потом. Главное, что и в следующем году он с мамой и сестрой нарядит елку и найдет под ней подарок от Деда Мороза, а это уже немало.

А что Коновалов елку наряжать не будет, так невелика беда. Про то, что он сам, героический Юрий Коновалов, спасший из пожара пятилетнего мальчика, не станет космонавтом и водолазом тоже не станет, думать не хотелось. Но пожизненный запрет на погружения он уже получил, и приморский центр более не нуждался в его услугах.

Три месяца и три дня Юрий, сухопутный, безработный, сидел на кухонном табурете и молчал. Марине эта деталь их кухонного интерьера представлялась орудием Юриного преступления. Именно его она считала символом их развода и главным аргументом в день, когда ушла, унося вилки, ложки, две кастрюли и дельфина. Она забрала бы и табурет в свою новую жизнь, но Коновалов так прочно сидел на нем, что Марина махнула рукой.

— Сиди, Юрочка, сиди. Только я с тобой сидеть не хочу. Ты мне море обещал! Где оно, твое море?

Не поспоришь, моря у Юры не было.

Щука

раздался телефонный звонок — первый на этой неделе, если не считать ежевечерних коротких разговоров с мамой.

— Юран, привет! Ты как там вообще? — от бодрого голоса Паши веяло пеной для бритья и зубной пастой. Коновалов инстинктивно погладил подбородок, поросший многонедельной щетиной.

— Привет, — ответил он совершенно небритым голосом.

С тех пор как Юра сел на старый кухонный табурет рассматривать сперва деревянного дельфина, а потом след от него, Паша не позвонил ни разу. Правда, и Коновалов о друге не вспоминал. Стоячие воды его депрессии не допускали мысли о движении, а Паша был трансатлантическим течением, способным сбивать корабли с курса, что уж говорить о Коновалове с его табуретом.

— Я тут подумал, — повторил Паша, вклинившись в поток коноваловских воспоминаний, — чего бы нам на

рыбалку не съездить? Костерок, удочки, комары дребезжат, с осени некормленные. Короче, собирайся, я поворачиваю к тебе во двор.

В подтверждение его слов за окном раздался благородный бас его клаксона. Путь к отступлению Паша Коновалову не оставил.

— Ты пойми, Юран, жизнь на этом не кончилась, — рассуждал Паша, с неприятным жестяным звуком сминая очередную пивную банку.

— А что кончилось? — уточнил Коновалов, не сводя глаз с мелкой ряби на речной воде.

— Карьера твоя водолазная кончилась, да и та — не совсем. Ты же в эти, как у вас, старшины...

— Руководители спуска, — поправил Юра.

— Вот, в руководители, — многозначительно вытянул указательный палец Паша, — мог пойти?

— Мог, — равнодушно ответил Коновалов.

— А чего не пошел?

— Не хотел.

Этот неоспоримый аргумент сбил уверенного в своей мысли Пашу с курса.

— Ну, хорошо, а в инструкторы? Или как они там у вас... — попробовал он исправить положение.

Юра улыбнулся левой стороной рта, правая при этом даже не дернулась.

— Ладно, возьмем Марину, — объявил Паша полную капитуляцию во всем, что касалось водолазного дела.

— Где же мы ее возьмем, Пашунь? — усмехнулся Юра, которому попытки друга провести сеанс психотерапии начали надоедать. В этот момент леска натянулась, Паша засуетился, начал сыпать советами, тянуть к спиннингу руки. Юра цыкнул на него, напрягся, подсек, зажужжал

катушкой, вываживая, и шлепнул оземь длинную узкую рыбу.

— Щука, Юран, гляди, щука! — пританцовывал вокруг улова довольный Паша. Рыба приплясывала вместе с Пашей, кувыркалась, хлопала по мокрой траве то головой, то хвостом, отчаянно разевала пасть с острыми зубами. Стеклянные глаза не выражали ни страха, ни отчаяния, ни безысходности. Юра смотрел на нее, выброшенное на берег безучастное существо, лишенное всяких эмоций, желающее только одного — вернуться в воду. Рыба замерла, затихла, лишь губы продолжали шевелиться с мерзким хлюпающим звуком. Тогда Юра подошел к ней, поднял бережно двумя руками, поднес к реке. Скользкое тело дернулось, оттолкнулось от его ладоней и исчезло в речной воде, обдав их с Пашей холодными брызгами.

— Удивительно, как к ней вернулась жизнь, когда она попала в воду, — медленно проговорил Юра, глядя туда, где блеснула в последний раз щучья чешуя.

— Ты охренел, что ли? Это ж щука была! Я отродясь ничего крупнее пескаря с рыбалки не привозил! Надо мной даже кошки Светкины смеются! А ты щуку выбросил! Ты знаешь, кто после этого... Знаешь, кто? — Паша замялся, выбирая из всех пришедших ему в голову слов наиболее обидное.

— Отвези меня домой, Паш, — все тем же снулым голосом попросил Коновалов.

— Щука ты, Юран, — выдохнул Паша и принялся смаывать удочки.

Во двор въехали затемно. Юра припарковал машину, сунул ключи к себе в карман и молча пошел к подъезду. Паша бежал за ним с криками «Отдай ключи!».

содержание

Утопленник	7
Табурет	11
Щука	15
Космонавт	20
Звонки	28
Фаина	42
День второй	50
Черный опал	58
Белая кепка	74
ДДД	81
Шура	91
Фаина и море	97
Дорога домой	105
Счастливая щука	116
Принцесса	127
Пробуждение	133
Белая комната	141
Красная комната	150
1955	160
1956	164
1957–1959	167
1961	180
2019	190